

Влас Михайлович Дорошевич

Иветта Гильбер

Влас Михайлович Дорошевич

Иветта Гильбер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651515

Аннотация

«Вот уже восемь лет, как г-жа Иветта Гильбер состоит несменяемую „любимицей“ парижской публики.

Так долго в Париже не держалось ни одно министерство!

И вы понимаете, с каким интересом я шел в Café Ambassadeurs посмотреть на эту удивительную женщину, сумевшую сделать постоянными парижан!..»

Содержание

4

**Влас Михайлович
Дорошевич
Иветта Гильбер¹**
(К нынешним гастролям)

* * *

Вот уже восемь лет, как г-жа Иветта Гильбер² состоит несменяемо «любимицей» парижской публики.

Так долго в Париже не держалось ни одно министерство!
И вы понимаете, с каким интересом я шел в Café Ambassadeurs посмотреть на эту удивительную женщину, сумевшую сделать постоянными парижан!

Посмотрите на эту артистку, про которую я каждый день читал в газетах:

Сегодня она пела с огромным успехом в кафешантане. Завтра выступала на вечере у президента. Сегодня появлялась на одних подмостках с пользующеюся скандальной репутацией Отеро, завтра участвовала рядом с Саррой Бернар.

² Гильбер Иветт (1867—1944) – французская эстрадная певица. Выступала в театрах-варьете «Мулен Руж», «Фоли Бержер» и др., создала особый жанр «песенки конца века» («chanson de fin de siècle»), выработала свой стиль исполнения («амплуа Иветт»), отличавшийся эксцентрически-гротесковой манерой.

Посмотреть «шансонетную певицу», которой Париж гордится не меньше, чем г-жой Режан, г. Мунэ-Сюлли, Рошфором³ или Эйфелевою башней.

Сгорая от любопытства, я забрался спозаранку.

Места в Café Ambassadeurs были свободны, но заняты.

Публика разобрала их днем и съезжалась к концу вечера, «к песенкам Иветты».

На сцене, как в калейдоскопе, сменялся ряд женщин, почти одетых и почти не одетых.

Они экспонировали свои икры, обтянутые черными шелковыми чулками, набеленные плечи, похожие на мрамор чуть-чуть розового цвета, стреляли своими подведенными глазами.

Эти голые плечи, руки, ноги, обтянутые черными чулками, отражались в зеркалах, которыми окружена сцена, повторялись десятками отражений, и все это вместе было похоже на какую-то вакханалию.

Для моралиста это было бы противно, для новичка – соблазнительно, для человека, привыкшего к Парижу, – скучно.

Под песенки этих почти одетых и почти не одетых женщин партер наполнялся, и когда над оркестром появился ан-

³ *Рошфор* Анри (1830—1913) – французский публицист и политический деятель. Издавал сатирический еженедельник «Фонарь», в котором подвергал острой критике режим Второй Империи. Дорошевич высоко ценил его сатирическое мастерство, портрет Рошфора висел в его кабинете в редакции «Русского слова».

шлаг «Ivette Guilbert», раздался залп аплодисментов.

Парижане приветствовали появление «любимицы».

Аплодировали все: мужчины и дамы, кокетки и порядочные, старики и молодежь, «снобы» и буржуа.

Вы понимаете, что я ушел «весь в бинокль», готовясь увидеть женщину, которая держит «весь Париж».

Что это?

Недоразумение? Ошибка? Вышла другая?

Эта?

Ее наружность...

Скажу словами Гейне: «Если бы прекрасная Елена была похожа на нее, Троянской войны не вспыхнуло бы⁴. Это неверное».

Длинная, «плоская», некрасивая фигура. Открытый корсаж, который ничего не скрывает, потому что ему нечего скрывать. Худые, длинные руки, выкрашенные бесцветные волосы, бесцветные глаза. Длинное бледно-зеленое платье и черные перчатки выше локтей.

Усталое, словно сучающее лицо.

Такие бледные, вялые, бесцветные фигуры любят импрессионисты, и она кажется сошедшей с импрессионистской картины.

⁴ Сказку словами Гейне: «Если бы Прекрасная Елена была похожа на нее, Троянской войны не вспыхнуло бы». – Цитата из «Признаний» немецкого поэта, публициста и критика Генриха Гейне (1797—1856), в которых он сравнивает французскую писательницу Жермену де Сталь с Еленой Прекрасной. *Елена Прекрасная* – царица Спарты, из-за которой началась война греков с Троей.

Она некрасива, но когда она поет, вы понимаете французское выражение:

«Лучше, чем красивая».

Все лицо ее оживает, и вы готовы дать клятву, что в жизни не видели ничего красивее этой женщины со смеющимися глазами и тонкою, чуть-чуть насмешливой улыбкой.

О чем пела Гильбер?

Она пела без конца, потому что публика, собравшаяся из-за нее и для нее, без конца требовала повторений и кричала названия наиболее любимых «песенок Иветты».

Занавес несколько раз опускали, и его снова приходилось поднимать, потому что публика требовала еще и еще.

О чем пела Гильбер?

Она пела так просто, так незатейливо, такие простые и незатейливые песни, а ее пение, как пение андерсеновского «соловья», уносило далеко-далеко от этого шикарного зала.

Ваши мысли бродили по чердакам, подвалам и бельэтажам, о которых пела Гильбер.

Вы улыбались или делались грустными, – как хотела эта поющая волшебница.

Она пела про большой дом, где в бельэтаже живет шикарная кокотка и дурачит своих богатых и глупых поклонников и где в подвале, грязном, сыром, холодном, мать судорожно прижимает к себе умирающего ребенка: он умирает, потому что у нее нет денег на лекарство.

И когда она пела об этой матери и об этом ребенке, и об

этом лекарстве, за которым не на что послать, – ее пение было похоже на стон, на вопли исстрадавшегося сердца. И вы слышали голос этой матери.

На глазах у женщин блистали слезы, и грешный зал убирался святыми бриллиантами.

Вы чувствовали, что у вас у самого слезы подступают к горлу и сейчас же... не могли удержаться от смеха, потому что Иветта пела уже про чердак того же дома, про маленькую мансарду, где живет бедняга поэт, к которому прибежала хохотунья прачка, чтобы при лунном свете весело скоротать голодный вечер.

И все это произошло в течение двух минут! Неужели только двух минут?

Вас заставили презрительно смеяться над глупыми и богатыми людьми, которых дурачат, чуть не задушили слезами и заставили расхохотаться от всей души.

И все в течение двух минут!

Это было бы волшебством, если бы не было искусством.

Когда-то давно слагал свои песенки Беранже, и до нас донеслось эхо этих песен: оно звенит в «песенках Иветты».

О чем пела Гильбер?

Она пела, например, о том, что жили на свете два приятеля м-г Дюпон и м-г Дюпэн. Они были неразлучны. Где вы видели м-г Дюпона, там был и м-г Дюпэн. Что делал м-г Дюпэн, то же делал м-г Дюпон. Они женились в один и тот же день и в один и тот же день их супруги подарили их детьми.

Разумеется, что ребенок м-г Дюпон был как две капли воды похож на м-г Дюпэн, а ребенок м-г Дюпэн был точка в точку вылитый портрет м-г Дюпон.

И Иветта Гильбер произносит так это «Naturellement»⁵, что вы не можете не расхохотаться.

Моралист целыми томами не обрисовал бы века, в котором «разумеется», что дети должны походить на приятелей отца, так как это делает Иветта Гильбер одной интонацией, с которой она произносит свое:

– Naturellement.

Вас поражает эта тонкость, это изобилие, это разнообразие интонаций.

Если Иветта Гильбер умеет произнести самую рискованную фразу с самым невинным видом, то, изображая парижанку, она умеет в самой невинной фразе сказать так «много» и многое «такое», что... вам становится страшно за мужа той дамы, которую изображает Иветта Гильбер.

Чтобы ее слушали, не нужно знать французского языка, и если вы хотите, чтобы зулусы поняли по-французски, – пошлите к ним Иветту Гильбер.

И они поймут ее песенки без слов, поймут по ее интонациям, по необыкновенно развитой, по необыкновенно разнообразной, по необыкновенно выразительной мимике.

Как поет Иветта Гильбер?

Небольшой насморк... Виноват, небольшой голос, то, что

⁵ Натурально (*фр.*).

мягко называется, – «носового тембра».

Он похож на голос М.Г. Савиной, которую Иветта Гильбер напоминает и ленивою грацией движений, и своим тоном избалованной, капризной женщины.

Простите мне смелость сравнения, – но если бы М.Г. Савина вздумала петь шансонетки, она передавала бы их с такою же фацией, изяществом, тонким юмором, как Иветта Гильбер.

В ней есть что-то напоминающее М.Г. Савину.

В этом вы убедитесь сами, – это мне бросилось в глаза при первом знакомстве...

Так началось мое знакомство с Иветтой Гильбер, знакомство «одностороннее», потому что Иветта Гильбер не подозревает о существовании у нее поклонника, который, приехав в Париж, каждый раз бежит послушать песенки Иветты, как он бежит посмотреть Сарру Бернар, Коклэна, Мунэ-Сюлли, посмотреть галереи «Салона»⁶.

Только я теперь запасаюсь местом накануне, потому что года идут, а Иветта Гильбер остается «любимицей» парижской публики.

«Без смены!»

⁶ *Галереи «Салона»*. – Салонами назывались выставочные объединения художников, демонстрировавших свои работы в Париже в конце XIX-начале XX вв. Существовали официальный Салон Общества французских художников и «Салон независимых», учрежденный в 1884 г. «Обществом независимых художников». Выставки проходили, как правило, весной и осенью и назывались Весенними и Осенними Салонами.

Не говоря уже о Кавеньяке⁷, ей мог бы мучительно позавидовать и Дюпюи⁸.

⁷ *Кавеньяк* Луи Эжен (1802—1857) – французский государственный деятель, генерал-республиканец. Будучи военным министром, подавил Июньское восстание в Париже в 1848 г., после чего полгода возглавлял правительство Второй империи. Потерпел поражение на президентских выборах, хотя пользовался широкой популярностью в обществе.

⁸ *Дюпюи* Жозеф-Ламбер (1831—1900) – французский актер.